

Полемическое богословие: как общаться с оппонентами

*Роджер Николь**

Введение

Кто-то из читателей наверняка спросит, зачем в наш век экуменизма, когда богословы ищут точки соприкосновения, вспоминать о полемическом богословии, которое провоцирует споры. Ведь оно, как показывает практика, не всегда оказывалось эффективным. Во многих спорах христианам не удалось победить своих оппонентов. Очень часто они раздражались, пренебрегая важными повелениями Писания, и поэтому не смогли убедить в своей правоте многих — а иногда даже себя! А коль так, зачем же поднимать тему полемического богословия?

Господь призвал нас подвизаться, то есть сражаться, за веру (Иуд. 3). Это не означает, что нужно постоянно вступать в споры. Это значит быть бескомпромиссным, отстаивать свои убеждения и истину Божью, не опуская руки в трудный момент. Исполняя этот призыв Господа, мы рано или поздно столкнемся с людьми, с которыми будем не согласны по тем или иным вопросам. Обязательно найдутся люди, у которых будет другой подход к христианскому учению, другой взгляд на управление общиной, другое понимание целей и задач, стоящих перед церковью.

В этой статье я собираюсь рассмотреть принципы, которые могут оказаться весьма полезными не только в религиозной жизни. Их с успехом можно применять и в политике, и в бизнесе, и в бытовой жизни. Кто из нас не сталкивался с людьми, с которыми был не согласен? Жизни без разногласий не бывает: они постоянно возникают между мужем и женой, между родителями и детьми, между сотрудниками на работе, между членами церкви. Поэтому важно знать, какими принципами следует руководствоваться, сталкиваясь с людьми, имеющими другой взгляд на вещи.

Встречаясь с людьми, имеющими свое мнение, задайте себе три вопроса, причем именно в таком, правильном, порядке. Во-первых, что я *должен* человеку, у которого другое мнение? Во-вторых, чему я могу *научиться* у человека, у которого другое мнение? И в-третьих, как мне *полемизировать* с человеком, у которого другое мнение?

Что я должен человеку, у которого другое мнение?

Многие люди никогда не задают себе первые два вопроса, они думают только о том, как бы победить своего оппонента, как бы довести его до изнеможения, отправить в нокаут и тем самым снять все возражения. Понято, что, если сразу перейти к решительным действиям, победу в споре мы, скорее всего, не одержим. Поэтому я предлагаю прежде всего подумать о своих обязанностях. *На нас лежат определенные обязательства перед людьми, которые имеют другое мнение.* Это не значит, что мы должны согласиться с ними. На нас лежат обязательства и перед истиной: защищать ее важнее, чем достигать согласия. Мы просто не имеем права согласиться с тем, кто не

* Доктор Роджер Николь (1915—2010) был одним из ведущих реформатских баптистских богословов второй половины XX века. Он был профессором Богословской семинарии им. Гордона и Конвелла в штате Массачусетс (Gordon-Conwell Seminary) и в Реформатской богословской семинарии во Флориде (Reformed Theological Seminary). Получил степень доктора богословия в семинарии им. Гордона (Gordon Divinity School), степень доктора философии в Гарвардском университете.

пребывает в истине. Мы также не имеем права считать, что наши разногласия несущественны. Следовательно, в наши обязанности не входит идти соглашательство или проявлять безразличие. Мы должны не согласному с нами человеку то же, что и любому другому, — *свою любовь*. Мы должны относиться к нему так, как хотим, чтобы относились к нам (Мтф. 7:12).

А как нам хочется, чтобы к нам относились? Ну, во-первых, нам хочется, чтобы нас понимали. Поэтому, когда мы с кем-то не согласны, мы прежде всего должны изо всех сил попытаться понять этого человека. Может быть, он написал книгу или статью, где высказал свое мнение, — нужно прочитать их. Нельзя в категорической форме заявлять о своем несогласии, досконально не изучив все имеющиеся тексты. Наш оппонент должен увидеть, что мы внимательно прочитали его книгу и постарались понять его мысль. Если же мы общаемся с человеком, который ничего не написал, тогда мы обязаны внимательно его выслушать, когда он будет излагать свою позицию. Не нужно вступать в бой, как только оппонент закроет рот, — нужно попытаться как можно более четко уяснить его точку зрения.

В этой связи хочу привести в пример доктора Корнелиуса Ван Тила. Возможно, вы знаете, что он резко критиковал богословие Карла Барта. Сам Барт утверждал, что Ван Тил просто не понимает его — настолько резкой была критика последнего. Мне посчастливилось побывать в кабинете доктора Ван Тила. Я своими глазами видел у него на полке огромные тома *Kirchliche Dogmatik* Барта (да именно на немецком языке, а не в переводе на английский). Я брал эти книги и листал: не было ни одной чистой страницы, все они были испещрены подчеркиваниями, пометками на полях, восклицательными знаками и огромным количеством вопросительных. Доктор Ван Тил никогда не говорил, что отлично знает Барта и его точку зрения, что ему нет никакой необходимости читать его, что ему известно достаточно. Все тома «Церковной догматики», в том числе последние, были прочитаны и изучены с особой тщательностью. Итак, вступая в спор, мы должны приложить усилия, чтобы досконально изучить мнение своего оппонента. Наша критика должна основываться на знании, а не на незнании.

Но и этого недостаточно. Мало знать, что человек говорит или пишет — *надо понимать, что он имеет в виду*. Есть люди, которые не могут точно и ясно выразить свою мысль. Но большинство из них, когда говорят, допускают так называемые оговорки по Фрейду, которые помогают понять, что они на самом деле подразумевают. Хотя, надо признать, это не самый удачный способ самовыражения, тем не менее обмолвки дают какую-то информацию. Поэтому, я думаю, нужно пометать для себя, какие оговорки делает оппонент, чтобы после использовать эти слова в дискуссии. Но если наш собеседник не умеет выражаться точно, не надо цепляться к его словам. Надо постараться понять, что он имеет в виду. В некоторых случаях можно даже помочь оппоненту выражаться яснее.

Этот урок я усвоил дома. Моя жена, например, иногда говорит мне: «Ты никогда не выносишь мусор». Но я точно помню, что 12 января 1994 года я вынес мусор. Ее «никогда» не соответствует реальности! Я мог бы зацепиться за это слово и полностью отвергнуть ее упрек. Но теперь я знаю, что этого делать не надо, потому что мир и радость мои придирки в дом не принесут. Я научился понимать свою жену: когда она говорит «никогда», чаще всего она имеет в виду ‘редко’ или ‘не так часто, как хотелось бы’. Когда она говорит «всегда», то имеет в виду ‘часто’ или ‘чаще, чем нужно’.

Вместо того чтобы придирается к словам «никогда» и «всегда», нужно подумать, чем недовольна жена. На самом деле, я должен выносить мусор. В семье муж и отец должен выносить мусор, даже если он не феминист. Если я хотя бы однажды не исполню эту свою обязанность, у жены есть повод пожаловаться. Если я откажусь принимать ее жалобу по сути и начну доказывать ей, что она неправа, потому что я иногда исполняю свои обязанности, это ни к чему хорошему не приведет. Вместо того чтобы цитировать толковый словарь, я должен понять ее и более ответственно подходить к своим обязанностям по дому.

Точно так же, при общении с людьми, имеющими другое мнение, не надо проявлять педантизм и полностью отвергать точку зрения оппонента только потому, что он употребил неправильное слово. Лучше сначала попробовать разобраться, что он имеет в виду, и только разобравшись, решать, соглашаться или не соглашаться. Если мы этого не сделаем, то мы так и не пойдем друг друга, потому что оппонент говорит на одном уровне, а мы его речь воспринимаем на другом. Эти две параллельные прямые не пересекаются, и результат разочарует обоих. Если же мы действительно хотим пересечься, то скорее нужно обращать внимание на значение, а не придирается к словам.

Более того, мы должны показать людям, у которых свое мнение, что *хотим понять их намерения*. Что им надо? Чем объясняется их точка зрения? Что им неприятно? Может быть, какой-то прошлый опыт, вполне возможно трагический, сделал их непримиримыми? Может быть, они чего-то боятся или чего-то жаждут? Может быть, и я чего-то боюсь, и я к чему-то стремлюсь? Лучше в самом начала найти точки соприкосновения, чем бросаться в бой или занимать глухую оборону.

Для примера вспомним о еретике Арии, жившем в четвертом веке. Он и его многочисленные сторонники категорически отвергали модализм — опасное заблуждение о Троице (модалисты считали, что Бог последовательно являл себя в трех формах, или модусах: Отце, Сыне и Святом Духе, что Он не существует вечно в трех лицах, пребывающих в общении между собой). Арий полагал, что ортодоксальное учение о полной божественности Сына и Святого Духа — это модализм. К сожалению, один из главных оппонентов Ария Маркелл Анкирский был почти модалистом. Если бы оппоненты Ария убедили его, что его инстинктивный страх перед модализмом беспочвенен, возможно, их аргументы, библейски и логически обосновывавшие учение о полной божественности Сына и показывавшие слабость арианского субординационизма, звучали бы более убедительно. Безусловно, такие люди, как Афанасий и Иларий, со здравым смыслом, смело и упорно противостоявшие арианству, заслуживают уважения, однако возможно, что их борьба была бы более эффективной, если бы они убедили ариан, что ортодоксальное вероучение о Троице не обязательно приводит к модализму.

Кальвинисты, ведя полемику с арминианами, должны понимать, что многие (если не все) арминиане боятся, что утверждение о всевластии Бога неизбежно ведет к отрицанию свободной воли, права на выбор и даже ответственности у сотворенных существ — будь то ангелы или люди. Они настолько высоко ценят свободу, что, естественно, выступают против кальвинизма в том виде, как они понимают его. Поэтому, если кальвинист вступает в дискуссию с арминианином, он должен сразу же подчеркнуть, что не отвергает свободу воли и ответственность людей, хотя, с логической точки зрения, всевластие Бога и свободную волю человека совместить,

конечно, очень сложно: как они сочетаются — это тайна, превосходящая понимание ограниченного человеческого ума.

С другой стороны, кальвинист не должен думать, что арминиане, которые также являются евангельскими христианами, провозглашая свободную волю человека, не верят во всевластие Бога. Арминиане молятся об обращении неверующих, они признают владычество Бога. Вступая в спор с кальвинистами, они должны всячески подчеркивать это, чтобы у кальвинистов не сформировалось превратное представление о них. Удивительно, что убежденные кальвинисты с удовольствием поют гимны Чарльза и Джона Уэсли, а большинство арминиан точно так же не возражают против содержания гимнов, написанных кальвинистами Исааком Уоттсом, Августом Топлэди и Джоном Ньютоном.

Итак, что мы должны своим оппонентам? Мы должны сделать все возможное, чтобы они ощутили, что они интересны нам, что мы искренне хотим поучиться у них и от всего сердца помочь им и что выиграть спор или показать свой ум для нас не главное.

Когда я хочу удостовериться, что правильно понял взгляды своего оппонента, я поступаю следующим образом. Я представляю себе, что озвучиваю его позицию в его присутствии или излагаю в письменном виде, а потом прошу его прочесть. Понятно, что я стараюсь передать точку зрения своего оппонента как можно более четко и правильно, изложить только факты и не допустить никакой критики. Я стараюсь представить его взгляды настолько точно, чтобы он похвалил меня и признал, что я на самом деле понимаю его. Я хочу, чтобы он сказал: «Все правильно! Лучше и не скажешь!» Только так я могу заработать право на критику. Но прежде чем использовать его, я должен показать, что правильно понимаю позицию, которую собираюсь опровергнуть.

Чему я могу научиться у человека, у которого другое мнение?

Спрашивать у себя, что я должен человеку, которые имеет мнение, отличное от моего, крайне важно, иначе обсуждение вопроса ни к чему не приведет. Я должен излагать истину, которую постиг, с любовью и простотой. Иначе можно навредить истине, поскольку союзница истины — любовь, а не враждебность (Еф. 4:15). Агрессивность и саркастичность — это признаки неуверенности человека, который не утвержден в истине. Вполне возможно, раб Божий праведно негодует в присутствии тех, кто «подавляет истину неправдою» (Рим. 1:18). Именно таким негодованием объясняются резкие выступления ветхозаветных пророков, нашего Господа, разоблачавшего фарисеев, апостолов, клеймивших ереси и лицемерие ранней церкви. Суровое осуждение обычно имеет целью предупредить паству, а не вернуть тех, кто настолько отдалился от Божьей истины, что возвращение назад невозможно (Пс. 138:19–22; Ис. 5:8–25; Дан. 5:26–30; Мтф. 12:30–32; Деян. 7:51–53; Гал. 5:12; Откр. 22:15). Если же мы желаем исправить кого-то, мы просто обязаны относиться к нему дружелюбно и любезно.

Убедившись, что сформировали правильное отношение к оппоненту, мы должны подумать о том, какую пользу для себя сможем извлечь из спора. Спросите себя, чему можно *научиться* у человека, который имеет мнение, отличное от вашего. Стремление извлекать пользу из любой ситуации — это не эгоизм. Будет жаль, если у нас не

получится усвоить ценные уроки, ведь назидание можно получить практически в любом споре.

Могу ли я заблуждаться?

Во-первых, я должен быть готов узнать, что я неправ, а мой оппонент прав. Конечно же, сейчас я не говорю о системообразующих постулатах христианской веры, таких, как божественность Христа или спасение по благодати. Это краеугольные камни вероучения, подвергните их сомнению — и вы расшатаете свою веру, а не расширите кругозор. В некоторых вопросах нам нельзя сомневаться и колебаться, потому что сам Бог изъяснил их, однако есть множество других вопросов, по которым мы, возможно, заблуждаемся, хотя нам кажется, что мы на сто процентов правы. Если мы отказываемся признавать, что можем ошибаться, значит, для нас важнее выиграть спор и сохранить репутацию, чем познать истину. Тот, кто исправляет нас, на самом деле помогает нам, а не противостоит. Его нужно благодарить, на него нельзя обижаться. А что касается репутации, то лучше слыть приверженцем истины, чем притязать на непогрешимость, подобно папе римскому.

Если мы признаем, что заблуждались, и не будем упорствовать, когда нашу ошибку докажут, наша репутация только выиграет. Я должен радоваться, когда меня исправляют, ведь мне оказывают неоценимую услугу. Скажите человеку, который указал вам на ошибку: «Да, я был неправ, но я рад, что вы все-таки просветили меня. Спасибо за помощь». С другой стороны, того, кто не желает признать свои заблуждения, люди, как правило, считают упрямым и не доверяют ему.

Факты

Во-вторых, в процессе дискуссии может выясниться, что наша позиция по спорному вопросу однобока, хотя в общем верна. То, что мы говорим, верно, но лишь отчасти — мы упускаем из виду некоторые важные моменты. Например, отстаивая божественность Христа, мы можем увлечься и забыть, что Он был еще и человеком. Я, как кальвинист, могу сделать такой упор на всевластие Бога, что начну полностью исключать возможность волеизъявления человека. Если меня поправляют, я должен благодарить, а не обижаться. Дискуссия может помочь мне постичь полноту откровения и избежать однобокости, а это очень важно, ведь полуправда часто бывает опаснее лжи.

Иногда мне представляется, что христианство — это поезд, который едет по двум рельсам. Бог един, но в трех лицах; Он имманентен и в то же время трансцендентен; Бог всевластен, но человек может принимать решения; есть тело, а есть дух; Посредник — это и Бог, и человек; есть оправдание, есть и освящение; Писание богодухновенно, но в то же время человек — его автор; человек отвечает и за себя, и за общество. Таких примеров можно привести бесконечное множество. Уберите один рельс — и поезд не сможет ехать (я не имею в виду монорельс!). То же самое и в христианстве. Поэтому человек, который имеет мнение, отличное от моего, на самом деле оказывает мне услугу: он побуждает меня принимать истину во всей полноте, помогает сформировать сбалансированный взгляд на проблему, ничего не упустить. Благодаря ему мое представление о вопросе уточняется, перестает быть поверхностным.

Опасности

Во время дискуссии может выясниться, что моя точка зрения может привести к опасным выводам. Может оказаться, что некоторые возражения, которым я раньше не придавал большого значения, на самом деле весьма значимы для моего оппонента. И снова, я должен быть благодарен ему за неоценимую услугу. Я не должен раздражаться, сталкиваясь с его несогласием — я должен так изложить свою точку зрения, чтобы предвосхитить все возможные возражения. Например, давайте посмотрим, как богословы, составившие Вестминстерское вероисповедание, сформулировали учение об извечных решениях Бога (3,1).

Прежде всех времен Бог по Своему в высшей степени мудрому и святому произволению свободно и непреложно предопределил все, что должно произойти. Но при этом Он не является создателем греха. Он не лишает Свои творения воли; не устраняет, но утверждает способность вторичных причин вызывать определенные следствия.

Три утверждения, следующих за словами «но при этом», были специально добавлены, чтобы предотвратить недопонимание и сразу же отвергнуть возражения, которые обычно выдвигают богословы арминианского толка. Горький опыт полувекового противостояния научил создателей Вестминстерского вероисповедания мудрости: в первой статье третьей главы им удалось полно, гармонично и в деталях выразить истину.

Французы называют парапеты и перила на мостах, террасах и набережных «гард-фу», что в переводе означает ‘ограда для безумцев’. Эти ограждения не дают сорваться вниз по неосторожности. В дискуссии становится понятно, где в нашей точке зрения опасные области. Надо увидеть их и построить «гард-фу». Крайне неразумно не воспользоваться этой возможностью.

Неясности

Во время дискуссии может выясниться, что мы не достаточно ясно выражаемся и наш оппонент до конца не понимает, что мы хотим сказать. И из этого мы тоже можем извлечь для себя пользу, ведь мы говорим (или пишем) именно для того, чтобы сообщить свою мысль. Если мы не хотим передать свою мысль, то нам лучше молчать. А если хотим, то должны учиться изъясняться. Если неясность остается – а это можно определить по реакции оппонента – то нужно работать над тем, чтобы выразить свою позицию более ясно, более полно, более логично.

Приведу библейский пример. Апостол Павел знал, что ему возразят, если неправильно поймут его учение. В Рим. 6:1 он пишет: «Что же скажем? Оставаться ли нам в грехе, чтобы умножилась благодать? Никак». Это возможное возражение Павел использует для того, чтобы еще полнее выразить свою мысль, чтобы сразу же направить читателя в нужную сторону и помочь правильно понять истину. Павел неоднократно пользовался этим приемом в своих посланиях (Рим. 3:3; 6:15, 19; 7:7, 13; Гал. 2:17, 19, и пр.). Даже наш Господь пояснял некоторые из Своих утверждений, если слушатели понимали их неправильно (Мтф. 13:18–23, 37–43; Ин. 11:12–14 и др.).

Пытаясь выразиться так, чтобы было понятно другим, мы часто начинаем лучше понимать самих себя. Тогда мы еще больше утверждаемся в истине, лучше понимаем ее практические последствия, четче ее формулируем и понятнее излагаем. И все это благодаря тем людям, которые имеют мнение, отличное от нашего.

Когда мы думаем о том, как мы должны относиться к тем людям, которые имеют другую точку зрения, о том, чему мы можем у них научиться, мы избавляемся от чувства враждебности. Мы не сжимаем руку в кулак, а протягиваем ее оппоненту для дружеского рукопожатия; наши ноги не избивают противника, а идут навстречу ему; уста не изливают злобу и сарказм, а исцеляют словами мудрости и благодати (Прит. 10:20, 21; 13:14; 15:1; 24:26; 25:11; Иак. 3).

Как полемизировать с человеком, у которого другое мнение?

В предыдущих разделах мы говорили о том, как извлечь максимальную пользу из спора: как исполнить свой долг перед оппонентом, как поучиться уму-разуму и отстоять свою позицию. Поразмышляв о том, что мы должны противнику в споре и чему можно научиться, давайте поговорим о том, *как правильно полемизировать с человеком, у которого другое мнение.*

Все по опыту знают, что в споре можно занять или оборонительную позицию, или наступательную. К сожалению, «оборона» и «наступление» — это слова, которые в нашем сознании превращают дискуссию в театр военных действий. Мы должны приложить все усилия, чтобы этого не происходило. Кроме того, часто «занять наступательную позицию» у нас означает начать обижать и нападать, а не перейти к конструктивной критике. Поэтому я предпочитаю говорить, что в дискуссии одна сторона *отстаивает* свою позицию, а другая ее *конструктивно критикует*.

Аргументы из Библии

Для евангельских христиан аргументы из Библии особенно значимы, потому что приводящий их подразумевает, что его точку зрения поддерживает сам Бог. Именно это имел в виду Лютер, когда на соборе в Вормсе произнес фразу, ставшую крылатой. Именно об этом идет речь в Вестминстерском вероисповедании (20, 2):

Один Бог есть Господин совести, Он дал ей свободу от учений и установлений человеческих, которые хоть в чем-нибудь противоречат Его Слову или дополняют его в том, что касается веры и богослужения.

Мы должны с благоговением подходить к Писанию — цитировать его отрывки только тогда, когда точно знаем из контекста, что они означают. Тогда нас никто не упрекнет в том, что мы искажаем текст: вырываем его из контекста и делаем вид, что отдельные высказывания обладают божественным авторитетом сами по себе, независимо от того, какой смысл им придает Писание. Приведу всем известный пример. В Пс. 13:1 и 52:2 написано: «Бога нет». Если вырывать это утверждение из контекста, получается, что само Писание отрицает существование Бога.

Поэтому слова из Писания в качестве аргумента, подтверждающего нашу точку зрения, нужно приводить только в том случае, если контекст доказывает, что его значение понято нами правильно. Если вы сошлетесь на авторитетный взгляд Слова Божьего, а

потом при исследовании контекста окажется, что оно говорит о другом, вы сильно навредите сами себе. Ваш аргумент в таком случае окажется похожим на дом, построенный на песке, — падение его будет весьма неприятным (Мтф. 7:27).

С большой осторожностью надо в качестве аргументов прибегать к отрывкам-бумерангам — таким отрывкам, первая часть которых подтверждает нашу точку зрения, а вторая решительно опровергает. Например, некоторые цитируют Филип. 2:12: «Со страхом и трепетом совершайте свое спасение», — но при этом забывают, что Павел добавляет: «...потому что Бог производит в вас и хотение и действие...»

Если мы хотим апеллировать к Библии, мы должны знать Слово Божье. Бог вверил нам, Своему народу, святые Писания, чтобы мы тщательно исследовали их (Ин. 5:39) и ежедневно размышляли над ними (Пс. 118). Знать всю волю Божью (Деян. 20:27) должны не только «профессионалы», пастора и профессора, но и все, кто желает называться христианином. Проявлять здравый смысл при толковании Писания, видеть взаимосвязи в нем и уметь применять — значит быть «достойным, делателем неукоризненным» (2 Тим. 2:15). К этому должен стремиться каждый христианин.

Готовясь защищать точку зрения, которую считаем библейской, мы должны изучить, какие отрывки чаще всего цитируют наши оппоненты, пытаясь доказать несостоятельность нашей позиции. Иногда можно предвосхитить возражения и сразу показать, что те или иные отрывки не противоречат нашим взглядам. Если человек настроен особенно критично, иногда имеет смысл подождать, пока он сам не приведет в качестве контраргумента тот или иной отрывок. С легкостью опровергнув довод, который оппонент считал убийственным, мы получим психологическое преимущество. Но при этом важно не забыть, что мы обязаны говорить истину в любви (Еф. 4:15).

Иногда можно показать, что отрывок-контраргумент понимается оппонентом неверно, потому что его толкование противоречит ближайшему контексту или не согласуется с основными идеями божественного откровения. Иногда достаточно дать одно-два разумных альтернативных объяснений этого текста. Однако эти альтернативные толкования не должны усугубить ситуацию. Мы обязаны искать единства в истине, поэтому предпочтительнее давать такое толкование, которое не провоцирует конфликт.

В заключение отметим, что наша задача — принимать библейское откровение во всей его полноте: смело утверждать то, что оно утверждает, и не строить домыслы по тем вопросам, по которым оно молчит. В этом смысле полемическое богословие — луч библейского откровения, который указывает дорогу тем, кто еще блуждает в полутьме.

Аргументы из области общих знаний

Это всевозможные аргументы, основанные на знаниях, почерпнутых не из Библии. Это могут быть, например, логические или исторические доводы. Конечно, они не настолько веские, как библейские, потому что Библия — это слово Божье, однако в дискуссиях к ним часто прибегают и их также надо принимать во внимание.

Логические доводы

Человеческий разум должен руководствоваться божественным откровением, иначе он не способен преодолеть свои предубеждения и постоянно стремится категории, взятые из мира конечных вещей, напрямую применить к миру бесконечного. Тем не менее разум – это Божий дар, человек не может без него ни получить, ни применить, ни передать откровение (см. J. I. Packer, *"Fundamentalism" and the Word of God*, pp. 128–137). Это неотъемлемая часть образа Божьего в человеке. Пренебрегать логикой — это самоубийство, потому что логика в итоге всегда побеждает. Поэтому использовать логические доводы вполне допустимо; кроме того, мы обязаны принимать во внимание логические доводы своего оппонента.

Если я хочу, чтобы моя критика была *конструктивной*, я должен показать, что моя позиция в целом не противоречит откровению, не противоречит христианской вере как системе убеждений. Я могу настаивать на правильности отдельного утверждения только в том случае, если я смогу убедить своего оппонента, что оно вытекает из системы убеждений, общей для меня и моего оппонента. Например, если кто-то принимает учение о Троице, он обязан принимать учение о божественности Христа, и наоборот.

В частности, мы можем указать на негативные и, возможно, даже губительные последствия, к которым приведет несогласие с утверждением, которое мы отстаиваем. При этом мы должны проводить четкое различие, между позицией, которую занимает наш оппонент, и убеждением, которое является логическим следствием этой позиции. Зачастую, неэффективность полемического богословия объясняется тем, что стороны не могут провести это различие. Христиане тратят огромное количество снарядов на артобстрел территории, где противника нет, потому что считают, что, с точки зрения логики, он должен там находиться.

Сражаться с пугалом — легко. Но орден вряд ли дадут за победу в бою с соломенным чучелом. С одной стороны, стратегически важно показать оппоненту, что его точка зрения может привести к пагубным последствиям. С другой стороны, мы должны помнить, что имеем дело с позицией нашего оппонента, а не с теми гипотетическими следствиями, которые, может быть, из нее вытекают.

Отстаивая свою позицию, я должен рассмотреть все возражения. Некоторые из них *не относятся к делу*, потому что основаны на неправильном понимании моих утверждений. Тем не менее, я должен уделить им внимание, потому что, отвечая на них, я еще отчетливее пойму свою собственную точку зрения и удостоверюсь, что она не однобока, что в ней нет преувеличений, что я правильно употребляю различные понятия. Например, я могу показать, что определенное (ограниченное) искупление вполне совместимо с всеобщим предложением спасения во Христе, хотя сторонники всеобщего искупления часто утверждают, что эти два учения несовместимы. Другие возражения могут оказаться *несостоятельными*, потому что опровергают как мою позицию, так и позицию оппонента. Некоторые возражения могут оказаться *несущественными*: они не опровергают мои принципиально важные утверждения, а лишь показывают, что есть некоторые трудности, которые я пока не могу объяснить. Например, если один отрывок Писания как будто противоречит другому отрывку, это совсем не означает, что нужно отказаться от учения о безошибочности Библии. Очевидно, что наибольшего успеха мы добьемся тогда, когда сможем *возражение*

превратить в довод, поддерживающий нашу точку зрения. Вспомните, например, что Иисус говорит о ветхозаветном законе в Мтф. 5:21–42. Невнимательному читателю может показаться, что Он подрывает авторитет закона, хотя на самом деле Он утверждает его Своим духовным толкованием.

Иногда полезно просить оппонента сформулировать альтернативную позицию, а потом подвергнуть критике. Например, если человек отрицает божественность Христа, нужно задать вопрос, который когда-то задал Иисус: «А вы за кого почитаете Меня?» (Мтф. 16:15). Любой ответ, отрицающий полную божественность Христа, можно раскритиковать: показать, что он ведет к политеизму и противоречит фактам жизни, смерти и воскресения Христа. Возможно, тогда нам удастся побудить человека, который не верит в божественность Христа, изменить свои взгляды — оставить тлеющие руины своей системы и скрыться в надежной крепости веры, «однажды преданной святым» (Иуд. 3).

Исторические доводы

История — это удивительная лаборатория: в ней мы можем понаблюдать, к каким последствиям приводит приверженность тем или иным принципам. Постановления соборов и вероисповедания призваны оградить нас от заблуждений: они показывают, какие точки зрения народ Божий признает опасными или даже смертельно опасными для веры. Пренебрегая накопленным опытом, мы рискуем повторять ошибки прошлого. Христологические дебаты IV и V вв. защищают нас ересей Ария, Аполлинария, Нестория и монофизитов и избавляют нас от необходимости повторять те же самые споры, которые сотрясали древнюю церковь. История Реформация XVI в. помогает не повторять некоторых ошибок Римско-католической церкви.

Если я хочу *критиковать конструктивно*, я должен доказать, что моя точка зрения согласуется с ортодоксальной позицией в целом и в частности с теми вероисповеданиями, которые признаны в христианском сообществе или служат стандартом веры в моей церкви или церкви моего оппонента. Это особенно важно сделать, если в символе веры или вероисповедании есть формулировка, опровергающая позицию оппонента. Конечно, все человеческие утверждения следует проверять и исправлять. Однако очень сомнительно, что позиция, противоречащая Никейскому символу веры или Вестминстерскому исповеданию, окажется правильной, а эти проверенные временем христианские кредо — ошибочными.

В частности, позиция оппонента может напоминать осужденную ересь. В этом случае имеет смысл на историческом примере показать, что случилось с теми, кто прежде придерживался такой точки зрения. Так, распространение арианства в итоге привело к захвату Северной Африки мусульманами. В то же время не следует избирательно подходить к историческим фактам и вспоминать только о тех событиях, которые нам выгодны. Христианство в Северной Африке быстрее всего исчезло в Египте, где было распространено монофизитство, а вандалы, принявшие арианство, смогли завоевать большие территории.

Те, кто со злорадством подчеркивают, что арминиане в Голландии были далеки от ортодоксальных взглядов, должны умерить свой критический пыл, вспомнив о судьбе кальвинизма в Новой Англии, представители которого были ортодоксальны в 1650 году, но стали унитариями и пелагианами к началу XIX века. Это не значит, что из

истории нельзя извлечь уроки — это значит, что эти уроки надо извлекать с осторожностью.

Если придется *отстаивать* свою точку зрения, можно воспользоваться приемами, о которых мы уже говорили. Возражения оппонента могут оказаться контрпродуктивными — они могут, скорее, подкреплять нашу точку зрения, чем опровергать ее. Они также могут оказаться несостоятельными, поскольку не имеют к нам никакого отношения или одинаково вредны как для нас, так и для того, с кем мы спорим. Они просто могут оказаться несущественными, потому что затрагивают второстепенные вопросы.

Цель

Когда христианин вступает в спор, самое главное для него — всегда помнить, чего он хочет добиться. Тогда на протяжении всей дискуссии он будет выбирать правильное направление. Хочет ли он победить, чтобы показать свое превосходство в знаниях и умении вести спор? Или он хочет приобрести для Господа еще одного запутавшегося человека, открыв ему истину и свет, дарованный Богом?

Если перед нами стоит первая цель, то неудивительно, что наши усилия пропадают даром: в этом случае мы похожи на врача, лечащего больного только для того, чтобы подтвердить свою теорию. Если же перед нами стоит вторая цель, то у нас естественным образом будет получаться вести приятный разговор. Мы будем более терпеливыми, когда наши аргументы не будут восприниматься с первого раза. Мы будем стараться понять человека, у которого другое мнение, чтобы найти такие доводы, которые будут звучать для него убедительно. Бог всех нас призвал свидетельствовать об истине (Ин. 1:7; Деян. 1:8). Только Он может сделать наше свидетельство действенным. Он способен убедить даже самых упрямых. Кто мог бы подумать, что Стефана услышит хотя бы один человек из той ошалевшей толпы, что бросала в него камни и в конце концов убила? Но его великая проповедь заронила семя в сердце Савла (Деян. 26:14). Из Деян. 7 мы узнаем, что его доводы обладали особой силой, потому что он проявил дух Христов перед лицом жестокой смерти (Деян. 7:59–60). Его свидетельство Бог использовал, чтобы приобрести самого искусного из Своих врагов, ставшего вскоре великим апостолом Павлом!

Христианин, вступая в спор с теми, кто имеет другую точку зрения, не должен вести себя как боксер на ринге — его задача не в том, чтобы нокаутировать соперника. «А раб Господа не должен ссориться, наоборот, он должен относиться по-доброму ко всем, должен уметь учить и терпеливо сносить зло. Если кто-то мешает ему в его деле, он должен мягко наставлять таких людей, в надежде на то, что Бог даст им покаяние и тогда они узнают истину, одумаются...» (2 Тим. 2:24–26, современный перевод).

Эта статья была впервые напечатана на английском языке в журнале *The Founders Journal*, Issue 33, Summer 1998. Оригинал этого варианта статьи был взят с сайта <http://www.founders.org/journal/fj33/article3.html>.

Переведено и размещено на сайте www.propovedi.ru с разрешения правообладателя.